

УДК 141.8+316.286

Медведев Е.П.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ И СИТУАЦИЯ ПОСТМОДЕРНА

Вхождение мира в новую, постмодернистскую эпоху с её поликультурностью и плюрализмом стилей жизни делает необходимой всеобщую ревизию ценностей и принципов, до недавнего времени определявших образ жизни человеческого общества прежнего, индустриального типа. Среди этих принципов одними из главных являются утилитаризм и инструментализм. Последовательно проводимые в индустриальных социумах (будь то социалистическое общество, или западная демократия), утилитаризм и инструментализм всемерно способствовали моральной деградации, примитивизации мышления и всеобщему упадку культуры. В условиях коренной трансформации социума, начавшейся после второй мировой войны, одной из главных задач становится последовательное преодоление этих принципов, являющихся наследием постренессансной европейской культуры и связанного с ней новоевропейского проекта, плодами реализации которого и является повсеместное их распространение.

Необходимость преодоления в социальной практике утилитаризма и инструментализма, деформирующих социальную жизнь, согласуется с изучением степени укоренённости в социуме этих принципов и степени деформаций, вызванных их функционированием. Изучение комплекса кризисных явлений современного социума и культуры явилось одним из важнейших направлений социальной философии в нашем столетии, и имеет множество версий. Утверждение кризиса постренессансной культуры и инспирированного ею новоевропейского гуманизма, базирующееся на наследии Ницше и Шпенглера, стало центральной темой культурфилософской рефлексии во второй половине XX в. Философский пессимизм и культурборчество Ницше в сочетании с его генеалогическим методом критической деконструкции социокультурной реальности был унаследован представителями направления теоретического антигуманизма, развивших на различных основаниях критику сложившихся в обществе эпохи модерна социокультурных практик. Теоретический антигуманизм доказывает важность гуманистических начал культуры, как бы пользуясь методом от противного. И не всегда его итог ведет к утверждению подлинного гуманизма. Споры о смерти гуманизма, возможности и формах его возрождения во многом позволяют понять суть полемики в философии конца нашего века.

Первым по времени, и одним из наиболее радикальных и жёстких по критике современного социума вариантов теоретического антигуманизма является неомарксизм Франкфуртской школы. Наше обращение к философскому наследию Франкфуртской школы обусловлено рядом причин. Прежде всего, представители Франкфуртской школы явились пионерами постмодернистского критического дискурса, синтезировав в своих работах марксистскую критику политической экономии, аристократический антигуманизм Ф. Ницше, учение З. Фрейда о репрессивном подавлении обществом инстинктов и идеи М. Вебера о прогрессирующем росте формальной рациональности в жизни западного общества. Этот сплав социальной философии, психологии, социологии и политэкономии был спаян в стремлении концентрированно критически осмыслить весь комплекс проблем, связанных с взаимоотношением индивида и социума в современных условиях развития общества. При этом впервые их внимание как продолжателей марксистской традиции было обращено в сферу социокультурных противоречий современного общества. Сформулировав их и стимулировав саму дискуссию по ряду основных проблем, возникающих в современных социальных и культурных практиках, франкфуртцы открыли дорогу всеобщей конструктивной критике социальной и культурной реальности индустриального общества, продолжающейся, несмотря на серьёзные в ней изменения, и поныне.

Генеалогический метод исследования и теоретическая деконструкция незыблемых, казалось, основ современной цивилизации сделали их пионерами и в методологической сфере. В их работах оформился специфический тип теоретизирования, по форме в корне отличный от безличного схематизма современной им позитивистской традиции. Явившись учением, резко отвергающим ценности модерна (и вместе с ними - науки Нового времени), философия франкфуртцев во многом стимулировала развитие формы постмодернистского дискурса с такими её элементами, как неопределённость, принципиальный фрагментаризм изложения и недоверие «тотализирующему синтезу» как его результат, неприязнь к авторитетам, их опровержение и отвержение. Развитие этих элементов впоследствии привели к оформлению собственно постмодернистской философии с её специфическим предметом, целями, методами исследования (в котором немаловажную роль играет критическая деконструкция) и формой теоретизирования. Их тотальная критика социума и культуры, её место в социальной философии нуждается в переосмыслении в контексте постмодернистской ситуации в социуме и культуре.

В работах теоретиков неомарксизма Франкфуртской школы успехи разума, созидającego цивилизацию, выглядят направленными против человека. Они репрессивны по отношению к его витально-жизненному началу, попирают его путем безудержно нарастающей регламентации. Парадоксальным образом агония гуманистического начала сопряжена с деяниями самого человека. Обосновывая такой взгляд, философы Франкфуртской школы синтезируют в своих сочинениях тезисы философии Гегеля, Маркса, Ницше, Фрейда, М. Вебера и других мыслителей прошлого и современности. В классических программных работах франкфуртских теоретиков содержится пафос ницшеанского культуроборческого бунта, оказавший

большое влияние на формирование идеологии новых левых, а впоследствии движения «зеленых» на Западе.

История, рассуждают Адорно и Хоркхаймер, несомненно, отмечена печатью достижений человеческой разумности, однако они отвергают в ней смысловое единство, предполагающее прогрессивное развертывание разумного начала, которое необходимо ведет к увеличению степени человеческой свободы. Они согласны с тем, что появление человеческого разума составляет особую эпоху земной истории. Но, подобно сторонникам философии жизни, Адорно и Хоркхаймер видят в разуме лишь средство приспособления человека к окружающей среде, который вырастает из природы и служит её покорению, и поэтому не может быть и речи о прогрессивном развертывании разума в истории, которое необходимо ведет ко все большей свободе человека. Критика просвещенческой идеи предзаданности постоянного совершенствования человеческого рода увенчана Хоркхаймером и Адорно ультрапессимистическими выводами.

Рассмотрение всей предшествующей истории как бессмысленной, несущей людям лишь беды и страдания, предполагает поиск виновника, ответственного каковым Адорно и Хоркхаймер называют разум. Последовательная рационализация мира именуется ими «Просвещением», ведущим к покорению природного начала не только вне человека, но и в нем самом. Самый первый шаг к созданию рациональной картины мира, согласно авторам «Диалектики просвещения», ведет к отчуждению. Оно - извечный спутник человечества. Уже мифологическое сознание предстает в трактовке Адорно и Хоркхаймера осуществлением импульса просвещения и «воли к власти». Рационализация мира в мифе оказывается чудовищной ошибкой человечества, которое отныне противостоит природе как активное начало пассивному. Она приводит к утверждению отношений эксплуатации не только природы, но и человека человеком. Более того, индивид начинает активно преследовать, подавлять в себе «цензурой разума» все жизненное, природное. Все последующее развитие человечества превращается в безудержную эскалацию агрессивных возможностей разума.

Процесс Просвещения, нарастания степени рационализации мира, согласно Адорно и Хоркхаймеру, связан с все более увеличивающимся подавлением жизненных основ человеческого существования. Логика их построений ведет к выводу о тождественности системного характера мышления и тоталитаризма. Продукты системного (читай – научного) постижения действительности, по их мнению, сами по себе являются идеологией, служащей тоталитарным целям и исключаящей свободу человека. Основанные на нём философия, наука и техника Нового времени, по мнению авторов «Диалектики просвещения», приводят к созданию образа математически калькулируемой и функциональной природы, впоследствии реализующей идеал машинизированного социального организма, где нет места ни творчеству, ни свободе.

Франкфуртские теоретики подмечают, что результаты усилий человека по покорению мира обращаются против него и приводят к созданию цепей цивилизованного рабства. «Техническая рациональность, - заключают они, - есть сегодня рациональность самого господства. Она есть принудительная сила

отчуждения от себя общества» [1, с. 151]. В постренессансную эпоху возобладал дух покорения мира, и научно-техническая рациональность вплоть до сегодняшнего дня служит главной характеристикой деятельности людей в самых различных общественных обстоятельствах. Её гипертрофия во многом влечет за собой появление научно-технического отчуждения как универсального феномена, накладывающего отпечаток на бытие человека в XX столетии. Хоркхаймер и Адорно увидели, что, подчиняя свои деяния сугубо научно-техническим и экономическим побуждениям, индивид рискует оставить в забвении ценности гуманизма, дефицит которых столь очевиден в нашу эпоху.

Основные идеи «Диалектики Просвещения» развиваются Г.Маркузе, который видит всю предшествующую историю в столь же мрачных тонах и полагает её подлежащей тотальному отрицанию. Свои рассуждения, проникнутые пафосом противопоставления насыщенной жизни и омертвляющего репрессивного разума, созидающего цивилизационное начало, он строит путем соединения неомарксизма и фрейдизма. Именно так он приходит к утопии «новой чувственности», призванной оттолкнуть историю как царство зла, начинающегося с первых шагов цивилизации. В современных условиях, по мнению Маркузе, порабощение индивида достигло наивысшего предела, поскольку если раньше индивид осознавал свое рабство и тем самым был живым отрицанием существующего общественного порядка, то теперь он его не осознает, ибо рабство это сублимировано и комфортно. Данная ситуация стала возможной в результате особой системы контроля над индивидом и управления им; откровенное насилие заменено сложным, тонким и эффективным механизмом манипулирования потребностями.

Современная цивилизация не столько удовлетворяет нормальные человеческие потребности, сколько создает потребности искусственные. Иллюзия свободного выбора «ценностей» поддерживается мифом об уравнивании потребностей «слуг» и «хозяев». И сама эта иллюзия свободы превращается, по Маркузе, в надежный инструмент подавления, ибо решающим фактором определения степени человеческой свободы является не диапазон выбора, предоставляемого личности, а то, что может быть выбрано и что выбирается в действительности. Но последнее как раз и регламентируется системой социального контроля. Стандартизация потребностей превращает человека в совершенно безликое существо, высшим стремлением которого становится вещь. При этом даже общение между людьми приобретает характер субъект-объектного отношения. Рассматривая окружающих людей сквозь призму собственных потребностей, индивид утрачивает способность видеть и воспринимать внутренний мир другого человека, и тем самым теряет главное, что определяет его как нравственного субъекта [1, с. 7-9].

Понятие отчуждения теряет привычный смысл, поскольку отчужденный субъект полностью сливается со своим отчужденным существованием, прекращая бытие в качестве самостоятельно мыслящего существа, собственно человека. И не может идти речь о деформации общественных отношений, в результате которой процесс труда, его условия и продукты, социальные нормы и институты, идеология превращаются в силы, враждебные человеку и господствующие над ним. Человек

современной цивилизации добровольно отождествляет себя с социальной реальностью, сливается с навязываемыми ему нормами и стандартами [1, с. 39-43].

В ходе анализа Франкфуртской социо- и культуркритики перед нами стоит важный вопрос: в какой степени «радикальный прорыв» современной ситуации постмодерна, столь превозносимой ныне за деконструкцию основных принципов предшествующей эпохи и радикальную их трансформацию, в действительности является таковым. Иначе говоря, насколько в этой ситуации преодолеваются те негативные явления, которые подверглись резкой критике франкфуртцами?

Ситуация постмодерна чрезвычайно противоречива. Как выясняется из работ современных философов-постмодернистов, постмодерн не стремится до основания разрушить сложившиеся структуры предыдущей эпохи. Все его трансформации происходят скорее на уровне ценностей, изменяя мировоззренческие ориентации. На поверку оказывается, что общество постмодерна не только не соответствует идеалам плюрализма и свободы, но скорее усугубляет все те противоречия, которые приписывались модерну.

Нападки постмодернистской философии на науку и сциентизм ничуть не мешают тому, что эпоха постмодерна рассматривается как целиком определяемая научным и технологическим комплексом. Господство техно-науки как синкретического комплекса знания и производства во много крат умножает интеграционные возможности социальной системы. Информатизация жизни человека и возросшие объёмы социальной информации дезориентируют человека, приводят его на грань безумия. В этих условиях он вынужденно следует одному из вариантов культуры, предлагаемому ему реформированной масс-культурой. Информатизация на самом деле лишь умножает силу воздействия масс-культуры, превращая её в инструмент оглашения нового порядка и функционирования новой, уже не индустриальной, но информационной утопии.

На поверку же, постмодерн является эпохой «ничто», «post-age». История, движимая трансцендентальными идеалами умножения разумного начала в жизни человека, остановилась. Не развиваясь, социум лишь воспроизводит прежние формы культуры и социальной жизни. Это не эпоха освобождения, но эпоха упадка и пессимизма, время полного отсутствия смыслового наполнения жизни человека и развоплощения основных принципов его жизнеустройства. Индивид обречён жить среди нежизнеспособных фантомов прежних его изобретений - культурных феноменов и социальных практик; они утратили смысловое наполнение, но в силу всеобщего культурного стазиса вынужденно используются в повседневной практике.

Постмодерн сохраняет и усугубляет такие отрицательные моменты прежней эпохи, как господство внешних мотиваций в жизнедеятельности индивида, манипулирование им посредством массовых коммуникаций, сохраняя таким образом тотальную несвободу. Техно-наука и культ технических достижений всё более неприкрыто функционируют в качестве универсальной идеологии, вне зависимости от провозглашённого постмодерном культурного плюрализма. Если говорить об изменениях, то в эпоху постмодерна трансформировалось преимущественно отношение к реальности в сфере философской рефлексии, исчез

безудержный оптимизм по поводу конструктивной возможности разума. Установилось отстранённо-критическое отношение к социокультурной реальности, как к сфере глубокого кризиса, которое, тем не менее, ничуть не мешает ей в неизменном виде функционировать и далее. В сфере же повседневности это знаменуется диктуемой осознанием стазиса общества отстранённостью индивидов, особенно молодёжи, от реальности и безудержным стремлением к развлечениям и уходом в субкультурные формирования. Индивид попадает в сети масс-культуры, продолжая свой путь в качестве придатка системы.

Таким образом, корпус идей Франкфуртской школы продолжает оставаться злободневным. Следует признать актуальность и для современного, постмодернистского, социума комплекса проблем, проанализированных представителями философии Франкфуртской школы. Критическая теория продолжает оставаться действенным инструментом критики капитализма в современных его вариантах. Задача её в новых условиях заключается в том, чтобы проанализировать эмансипаторские возможности, открываемые технокapитализмом - есть ли они и сколь возможно освобождение индивида в новую эпоху. Ключевые аспекты нового критического сознания, созвучного новой эпохе, находятся в том числе и в неомарксистской критической теории, которая разработала многие необходимые исходные позиции для теоретического осмысления, новых социальных условий технокapитализма и постмодерна.

Список литературы

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. - М.-СПб.: Медиум - Ювента, 1997.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: REFL-book, 1994.

Поступило в редакцию 19 мая 2001 г.